

3 О МАЯ 1970

г. Караганда

Газета №

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

В ОДНОМ из холлов театра мы ведем с Анной Федоровной неторопливый разговор.

— На каком курсе учится сейчас ваша Алена? — спрашиваю я.

— Да уже переходит на третий.

— И не жалеет, что поступила в театральный институт?

— Ну, что вы! Она просто в восторге. Любовь к театру — это же у нее еще со школьной скамьи. Мы пытались ее отговорить, но так и не сумели.

— А я все же не понимаю, зачем вам понадобилось ее отговаривать.

— Как это — зачем? Вы представляете, какую жизнь ведут актеры? С утра до вечера в театре — или на репетициях, или заняты в спектакле. Для личной жизни, для дома почти не остается времени. Да и дома тебя не оставляют мысли о роли, над которой работаешь, и тут подсознательно живешь в образе...

— Выходит, и ваш отец был прав, когда противился вашему намерению стать актрисой?

— Да, конечно, он был прав, — вздыхает Анна Федоровна.

— И, если бы можно было начать жизнь сначала, вы, видимо, избрали бы другую специальность?

Анна Федоровна широко открывает глаза, и на ее живом, очень моложавом лице я читаю искреннее изумление:

— Разве я так сказала? Ну что вы? Для себя я не мыслю жизнь вне театра.

Да, у артистки Арефьевой театр — «одна, но пламенная страсть». Свой путь на театральные подмостки она начала еще студенткой медицинского института, когда тайком от родителей и вопреки их воле поступила в театральную студию. А нынешний сезон для Анны Федоровны — уже тридцать второй по счету. Много жизней прожила за эти годы актриса на сцене. Ее амплуа не имеет строгих границ. Зритель видел ее и в героических, и в трагедийных ролях, и в сатирических, и в комедийных. Гонерилья («Король Лир») и Вера Тихоновна Ешурина («Свадьба на всю Европу»), Лиза («Дети солнца») и Грчиха («Без креста»), мать («Жаркое лето в Берлине») и Сары Журга в последней премьере театра им. Станиславского «Сильнее смерти» — в этих и многих других, столь не похожих одна на другую ролях ярко проявились одаренность артистки, ее умение создавать четкий рисунок роли.

Целую галерею ее героинь, очень разных по характеру, мировоззрению, возрасту, классовой и национальной принадлежности, объединяет достоверность, которая заставляет зрителей восхитаться одними или презирать других.

Именно это — достоверность созданных образов — рождает тот тесный контакт со зрительным залом, который приносит актеру самое высокое удовлетворения.

— Какие из ваших встреч со зрителями больше всего запомнились?

Анна Федоровна пожимает плечами.

— Трудно сказать. Их было немало, таких хороших встреч. Но все же, пожалуй, самые памятные — выступления в

• Тридцать
второй сезон

• Мальчишки,
которые любят

П Т И Ц...

• Как не надо
поступать

О Д Н А, НО ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ

годы Великой Отечественной войны в частях 1-го Украинского фронта. Бойцы и офицеры всегда принимали нас, артистов, как старых, близких друзей. Это было очень волнующе и трогательно.

— У каждого актера бывают взлеты и неудачи. Как вы считаете, что обуславливает творческий успех артиста?

Анна Федоровна на минуту задумывается.

— Слагаемых этого успеха много. Но если говорить о том, что зависит только от самого артиста, то это умение правильно понять образ, перевоплотиться в другого человека, начать жить его жизнью, его интересами, взглядами. И полюбить этого человека.

— Да, да, именно полюбить, — убежденно повторяет Анна Федоровна, словно заранее отводя мои возражения. — Вы должны глубоко проникнуть в его психологию, понять и разделить логику его поступков, его отношение к окружающему миру. Только тогда можно нарисовать жизненно правдивый образ.

И она напоминает мне роль заведующей горздравотделом Бочкаревой из пьесы «Платон Кречет». Со стороны эта женщина выглядит смешной, и легко было бы поддаться соблазну изобразить ее карикатурно. Но актриса была убеждена, что не должна становиться на этот путь. Ведь Бочкарева хочет быть полезной и уве-

рена, что приносит пользу. И это не вина ее, а беда, что результаты получаются прямо противоположные тем, каких она бы хотела.

— Вот таким, по-своему неплохим человеком, я и стремлюсь показать Бочкареву в спектакле, — заключает Анна Федоровна, — человеком, который под занавес искренне удивлен, что он, оказывается, очень плохо справляется с порученным ему делом.

Или старая фрау Мюллер в спектакле «Жаркое лето в Берлине». Ее мировоззрение, рабская покорность деспоту-мужу — все это чуждо советскому человеку. Но если бы не сумела Арефьева раскрыть для себя ее внутренний мир и характер, то не смогла бы показать борьбу противоречивых чувств в ее душе, процесс ее духовного перерождения.

Карагандинские зрители давно уже оценили по заслугам незаурядный дар перевоплощения, которым обладает артистка. Она чувствует это признание и очень дорожит им.

— Мне кажется, — говорит Анна Федоровна, — для актера нет большего счастья, чем ощущать, что зрительный зал так же остро, как ты сама, переживает горе твоего героя, так же, как и ты сама, взволнован его тревогами, заботами! Ради этих минут не жаль потратить много, очень много труда.

Уже прощаясь, я говорю: — А ведь вам, Анна Федоровна, уже не раз довелось пережить эти, ни с чем не сравнимые, счастливые минуты.

Г. ЮГОВ.